

Россиеведение - еще один вузовский предмет или средство формирования культурной идентичности?

Марина КНЯЗЕВА, сотрудник факультета журналистики МГУ

Уже несколько лет я занимаюсь проблематикой, которая связана с мультикультурализмом. В девяностом году в издательстве "Молодая гвардия" вышла моя книга "Ключ к самосозиданию", где я сформулировала свое видение этой проблемы как возможность современного человека совершить свой персональный культурный выбор. И в условиях формирующегося информационного общества это может быть поликультурная личность, то есть человек, который в своем личном образе, в своем личном пространстве соединяет элементы разных культур. Мне эта проблематика представляется чрезвычайно важной, и, идя по этому пути, я создала лекционный курс "Русская культура и русская ментальность", который уже десять лет читается на факультете журналистики МГУ. Этот курс опирается на идею о том, что культура - это тот базис мышления, тот ментальный базис, который человек может принимать, выбирать, абсорбировать. То есть, национальную историю, национальность я предлагаю понимать как сотворческое сообщество людей, говорящих на одном языке.

Все существующие определения нации сегодня не выдерживают критики, потому что опираются на представления о том, что нация - это единая территория, единое экономическое пространство, и так далее. Однако мы видим сегодня народы, у которых нет общей территории, и наоборот, есть территории, на которых живут разные народы, а иногда и вовсе не народы, а просто население. Сегодня национальный состав Франции наполовину состоит из представителей африканских стран. То же самое происходит в Швейцарии, где очень высокий процент арабского населения. Результатом этих процессов является смешивание культур. И этот вопрос переходит сегодня из теоретического плана в повседневную проблематику. Мы тоже живем в меняющемся мире, для которого поликультурная ситуация становится просто новой реальностью, в которой каким-то образом следует определиться. Здесь мы сталкиваемся с новым понятием, становящимся особенно актуальным для многих стран. Это проблема самоидентификации людей, живущих на определенной территории. Люди ведь принимают национальность, культуру не генетически, а с языком. Психолог Вундт писал, что мы все в человеке можем измерить, все реакции, все мы можем вывести на физиологический уровень, кроме высших проявлений человека. Все, что связано с языком, памятью, культурным наследованием, подчиняется другим законам. Проблема национальной идентификации есть, на самом деле, проблема самоидентификации в том или ином ментальном очаге. Нация, национальная культура есть тип менталитета, только так можно ее сегодня преподавать и во французской, и в русской школе, и в американском, и в российском университете. Все остальное будет шаг назад, шаг к средневековью, шаг к средневековой замкнутости или к фундаментализму. И в этом контексте, с одной стороны, есть проблема глобализации, понимаемой как утрата каких-либо идентификационных черт. Когда, выходя из аэропорта где-нибудь в Кейптауне или Буэнос-Айресе, видишь одно и то же: тот же сумбур товаров тех же фирм, те же самые китайские рестораны. Люди в этой культурной смеси испытывают психологический дискомфорт. И для очень многих стран встала проблема вторичного открытия самоидентификации, обращения к корням этого национального менталитета или к той формуле выживания, которая вырабатывает творческий актив того или иного народа.

Эта проблема отсутствия основополагающих моментов, связанных с пониманием ментального очага, цивилизационной матрицы, культурно-антропологической формулы, в рамках которой должен реализовать себя человек, та или иная личность, актуальна и

для нашей страны, в первую очередь, для огромного большинства институтов, высших учебных заведений, где люди изучают те или иные технические приемы, те или иные экономические модели, но абсолютно ничего не знают о том ментальном пространстве, той национальной традиции, в которой они существуют. В этом контексте примерно год тому назад в Москве сложилась группа исследователей, проявивших себя в этом направлении, которую объединило Министерство образования России как Центр по изучению России. И мы разработали проект нового вузовского предмета, который предполагается ввести в ближайшее время во всех вузах России, в первую очередь, не гуманитарных. Этот курс будет называться "Россиеведение". В курс "Россиеведение" входят четыре предмета: философия России (не русская философия, не история русской философии, а именно философия России, Россия о самой себе как о культурном регионе), историософия России (или основные проблемы исторического движения России), русский язык как культурный феномен, разработанный мной курс русской словесности и литературы. В этом курсе реализован проблемный подход. Это не рассказ о том, как жил сначала Державин, потом пришел Жуковский, а потом Пушкин, которого мы прошли уже в четвертом классе. Это попытка определить культурную матрицу. Поэтому в курсе рассматриваются такие вопросы, как тип русской культуры, какое место в культуре занимает словесность, какую творческую возможность дает человеку приобщение к законам словесности для самовыражения, для строительства своего личного пространства. Я исхожу из того, что человек читает литературу не для того, чтобы знать биографию писателей и особенности стиля. Он ищет ответ на свои вопросы. Поэтому второй раздел курса посвящен основным идеям, образам русской литературы. Я исхожу из того, что в русской культуре, в том числе словесной, очень высокий статус занимает ценность переживания. Русская культура ориентируется на эмоциональные ценности.

Например, широко известны слова: "У нас секса нет". Над женщиной, которая это сказала, много смеялись, но ведь она очень точно выразила особенность русской культуры. В русской культуре не разработана сексуальная поэзия, но очень высоко разработана вся духовная сторона. Любовь как бессмертие. Все тончайшие вибрации любовных отношений я попыталась каким-то образом свести в общий раздел. Для меня была очень важна идея толерантности, идея мультикультурности, которая изначально пронизывает русскую литературу. Потому что никакой националистический подход здесь не проходит, мы сразу будем вынуждены выбросить всех классиков русской литературы. Зачинателя русской поэзии Антиоха Кантемира, который был молдавским князем, великого Василия Андреевича Жуковского, который был турком, Пушкина, который был эфиопом, я не говорю уже о Гоголе, которого, переводя на украинский язык, проходят в украинской школе как классика украинской литературы. Русская литература изначально дает человеку прививку толерантного отношения. Вообще, весь предмет "Россиеведение" изначально проникнут идеей толерантности. Мы исходили из общих позиций, из понимания народа как сотворческого единства. У нас нет этнического, этнографического, националистического подхода. С другой стороны, мы попадаем в мировой контекст, когда изучение страны вводится в программы крупнейших культурных регионов мира.

И, наконец, последняя часть программы - это художественные типы и нравственно-психологический комплекс открытой русской литературы. То, чем может оперировать человек, что такое "хлестаковщина", "базаровщина", "репетиторовщина", "маниловщина", "обломовщина", "плюшкинство", "шариковщина", "достоевщина", "тургеневские девушки" - все то, что сейчас находится на самом деле в инфосфере. Мы сейчас опробуем эти курсы на факультетах журналистики нескольких высших учебных заведений. И нам очень важно получить самые разные мнения об этом предмете в целом и курсах, которые входят в его состав.